

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНЕНИИ ДАГЕСТАНА К РОССИИ

© 2009 Гасанов М.Р., Магомедова Э.М.

Дагестанский государственный педагогический университет

Одной из актуальных проблем дагестанской истории является проблема освещения присоединения края к России. Этой теме посвящены исследования многих авторов. Взгляды ученых относительно времени присоединения дагестанских горцев к России весьма противоречивы. В статье на основе разнообразных источников и литературы эта проблема рассматривается не как простое уточнение хронологических рамок, а как концепционное ее решение, связанное с различным пониманием истории отношений России и Кавказа, а также России, Ирана и Турции.

Joining Daghestan to Russia is one of the actual problems of Daghestan history. Many authors' studies are dedicated to this subject. The scientists' views on the time of Daghestan mountaineers' joining to Russia are quite contradictory. On the base of different sources and literature the author of the given article considers this subject not as the simple specification of chronologic framework, but as conceptual solving it. It is connected with different interpretations of Russia and Caucasus relations, as well as Russia, Iran and Turkey.

Ключевые слова: *Дагестан, Россия, присоединение, Турция, Иран, международные отношения.*

Keywords: *Daghestan, Russia, joining, Turkey, Iran, foreign affairs.*

Проблема освещения присоединения Дагестана к России является одной из актуальных и сложных. Этой теме посвящены многочисленные труды: изданы монографии, тематические сборники, материалы научных конференций, опубликованы обзорные статьи и др. Она получила освещение в работах «История Дагестана», «История народов Северного Кавказа», а также в монографических исследованиях Н. А. Смирнова, А. В. Фадеева, Р. М. Магомедова, Х.-М. О. Хашаева, В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова, Е. Н. Кушевой, Ш. А. Гапурова и др. Кроме того, создана обширная источниковая база.

Тема присоединения Дагестана к России на различных этапах исследователями рассматривалась неодинаково. Взгляды исследователей относительно времени присоединения дагестанских народов к России весьма

противоречивы.

Вопрос этот следует рассматривать не как простое уточнение хронологических рамок, а как концепционный, связанный с различным пониманием истории отношений России и Кавказа, а также России, Ирана и Турции. Было время, когда осуждали только местный национализм и перестали писать о захватнической, колониальной политике царизма. Затем возникла «теория наименьшего зла», согласно которой по сравнению с гнетом персов, турок присоединение Кавказа к России считалось «наименьшим злом». Потом отвергли эту теорию и стали трактовать присоединение к России не «наименьшим злом», а благом. В последнее время у нас перестали писать о колониальной и завоевательной политике царизма.

Вот что пишет зав. кафедрой философии и истории Донского ГАУ

доцент А. Ф. Поломошнов: «Россия никогда не была агрессивным государством, а вела лишь оборонительные войны, никогда не имела колоний и не стремилась к ним. Территориальное расширение России осуществлялось естественным путем, а присоединяемые народы не подвергались национальному гнету» [11. С. 33].

Договоры отдельных правителей Северного Кавказа и Дагестана с русскими царями трактовались как акты присоединения к России. Так, договор России с кабардинским князем Темрюком Идаровым в 1557 г. длительное время в советской исторической науке трактовался как акт вхождения Кабарды в состав России, а историки XIX в. считали его лишь заключением сторонами политического и военного союза.

В 80-е годы XX в. поднимался вопрос о праздновании 350-летия вхождения Дагестана в состав России. По мнению В. Г. Гаджиева, к 1635 г. значительная часть феодальных владений Дагестана оказалась в подданстве России, и это давало ему основание рассматривать этот год как дату завершения первоначального длительного этапа вхождения этих владений в состав России. Профессор В. Г. Гаджиев как один из аргументов своей версии выдвинул то, что Грузия, Казахстан, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия отметили даты вхождения в состав России (от 200 до 400 лет).

В Дагестанском обкоме КПСС состоялось совещание по вопросу о 350-летию вхождения Дагестана в состав России, на котором присутствовали ученые республики. Выступившие на совещании профессор Х. Х. Рамазанов, А. Г. Агаев, Б. О. Кашкаев и другие отметили необоснованность справки о дате вхождения Дагестана в состав России. В ноябре 1987 г. была проведена региональная конференция «Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана», на которой также отмечалось, что «в 1614-1635 гг. почти все владения Дагестана, кроме Дербента, находящегося в то

время под игом шаха, вошли в состав России».

Известно, что обращались к русскому правительству не народы, а правители разных рангов, которые, как правило, мнение своего народа и не знали. Объективно, конечно, в ряде случаев такие обращения были вызваны именно общенародными нуждами. С другой стороны – любой правитель, обращавшийся к России в XVI–XVII вв. был заинтересован в сохранении своей власти, часть которой он был готов в силу тех или иных причин уступить российскому монарху, но только часть. Обращавшиеся к России владельцы Кавказа вовсе не намерены были полностью утратить свою независимость, тогда как царизм был заинтересован в полном подчинении того или иного владения. Разумеется, мы должны учитывать объективные последствия присоединения тех или иных народов к России.

Практически случалось, что такой принявший присягу местный владетель мог с подобной же просьбой обращаться и к другим государствам и в итоге становиться «службой двух господ», на самом деле не служа последовательно ни тому, ни другому. Так, дагестанский шамхал, которого персидские источники именуют вали, говорят, имел печать, на одной стороне которой он значился «банда-йя шаханшах-е Иран», а на другой – «холопом царя московского». О таком двойном положении хорошо знали соответственно и в Москве, и в Исфагане, и в Стамбуле, но относились к этому спокойно, понимая, что представляло собой положение такого «двойного холопа».

Ничего общего с действительной историей чеченского народа не имеют распространяемые в последнее время ложно точки зрения по поводу 400-летней истории перманентного вооруженного противостояния чеченцев и России [9. С. 9]. Правда такова, что взаимоотношения народов нашей страны знали разные периоды. Была тяга к единству, были конфликты и непонимание.

Просить покровительства или искать защиту не только у России, но и у более сильного соседа было обычной практикой феодальных владетелей того времени. Ориентация же феодальных владетелей в зависимости от их интересов или обстоятельств могла очень быстро меняться, чему история дает многочисленные примеры. Установление связей разных народов Кавказа с Россией проходило разными путями. В XVI–XVII вв. мы имеем наибольшее число примеров обращения разного рода местных правителей с просьбой принять их в русское подданство. Эти случаи в нашей историографии и попали под категорию «добровольного присоединения» или «вхождения» тех или иных народов.

Идею добровольного присоединения или вхождения различных народов к России так настойчиво стали внедрять в наше сознание (причем особенно в застойные годы, когда нечем было больше похвалиться), что стоило провозгласить добровольное присоединение любого региона, как следовали ордена и другие награды инициаторам такой кампании [8. С. 41-42]. «Что касается самого термина «добровольное вхождение», – пишет проф. В. П. Крикунов, – то от него вообще следует отказаться, поскольку это понятие пронизано духом антиимпериализма» [8. С. 41-42]. Если добровольное присоединение в том или ином виде имело место в какой-то конкретной ситуации, то добровольного вхождения как процесса длительного, с ломкой экономической и социальной структуры, традиций и уклада жизни, религии и национальной культуры быть просто не могло. Такой процесс, обязательно в каких-то слоях встречая сопротивление, вызывал у кого-то недовольство, так как задевал интересы многих.

В постсоветское время историки Грузии, следуя политической «модели» и подсказанным геополитикой заказам, стали вдруг усиленно «соображать» и «переосмысливать», как к Российской империи когда-то была присоединена

часть Грузии. В учебниках по истории Грузии Россия из страны, покровительствующей ей на протяжении ряда веков, вдруг трансформировалась в «империю», которая в XVIII в. воспользовалась просьбой о заступничестве.

Вместе с тем, изучая вопрос о присоединении различных регионов Кавказа, в том числе и Дагестана, нельзя не говорить о наступательной политике царизма. Уже с образованием в XVI веке Московского централизованного государства русский царизм развернул военно-колониальную экспансию, в том числе – в кавказском направлении. Ее побудительные мотивы были связаны с геостратегическими, политическими и экономическими соображениями.

Одним из важных этапов взаимоотношений народов Дагестана и всего Кавказа с Россией был период, связанный с Каспийским походом Петра I, а также его имперской политикой.

В чем же проявилось имперское содержание политики России при Петре и после него? Характерный для имперского сознания стереотип – захват чужих земель – осуществляется под лозунгом защиты интересов империи, нации. Логика такова: если соседние с нами земли не захватим мы, то, воспользовавшись их «бесхозностью», это сделают они, чтобы угрожать нам.

Другой принцип имперского влияния на другие земли – «разделяй и властвуй». Борьба за чужие территории предполагает тактические уловки, компромиссы между сильными сторонами.

С конца XVIII в. завоевание Дагестана, как и остальных территорий Кавказа, для российского царизма стало одной из важнейших задач. С этого времени до окончательного покорения горцев в 1859г. неоднократно менялся стиль отношений властей России с горцами, но цель имперской российской политики в этом регионе была одна – завоевание Дагестана и включение его в состав России.

Исследователи, которые посвятили свои труды теме присоединения

Дагестана к России, датой этого акта считали 1813 г., то есть Гюлистанский договор. Это профессора Р. М. Магомедов, Х.-М. О. Хашаев, В. Г. Гаджиева, С. Ш. Гаджиева, Х. Х. Рамазанов и др. Вместе с тем в трудах ученых отмечалось, что Гюлистанский договор 1813 г. был заключен между Россией и Ираном без владетелей Дагестана.

В исследованиях говорится, что этот договор противоречит международному праву. Субъектами договора выступали только Иран и Россия. Раздел сфер влияния между этими странами нарушал суверенитет народов Дагестана и Закавказья. Гюлистанское соглашение являлось обычным сговором между Россией и Ираном, игнорировавшим интересы народов Дагестана. Договор был заключен за спиной дагестанских владетелей и народов: Дагестан стал частью России де-юре. Юридическим считается оформление уже свершившихся событий, а реального подчинения Дагестана еще не было.

Значение Дагестана как стратегического плацдарма в конце XVIII – начале XIX вв. и в ходе русско-иранской (1806-1813) и русско-турецкой (1806-1812) войн для всех воюющих сторон резко возросло. Царская Россия, хорошо понимая, что успехи русской армии на Кавказе напрямую будут зависеть от политической обстановки в Дагестане, проводила осторожную политику.

С началом русско-иранской войны наместник Кавказа П. Д. Цицианов переходит к тактике грубого и жесткого давления на дагестанских владельцев, требуя безусловной покорности. Политика Цицианова вызвала резкое недовольство у дагестанских владельцев.

Этой ситуацией умело воспользовались Иран и Турция. С началом войны многочисленные иранские агенты стали подбивать дагестанских ханов к войне с Россией, обещая за это немалые деньги от имени шаха. В фирманах шаха к дагестанским владельцам активно использовался и религиозный фактор. Большинство из

них не поддались на уговоры ирано-турецкой агентуры и сохранило верность России.

И все же развернутая в Дагестане антироссийская агитация Ирана, подкрепленная деньгами и щедрыми подарками, находила отклик среди отдельных феодалов. Наиболее активную проиранскую позицию заняли Ших-Али-хан Дербентский и Сурхай-хан Казикумухский, к которым примкнули Али-Султан Дженгутайский, родственник Султан-Ахмед-хана Аварского, старшина Алисканд и некоторые другие феодалы. Они стали призывать горцев к «священной войне» с Россией. Когда этот лозунг не нашел особой поддержки среди населения, они стали собирать наемные отряды. Для создания наемного войска из горцев персидский двор 1806 г. отпустил 30 тыс. червонцев. В начале 1806 г. иранское командование, терпя в Закавказье неудачи от российских войск, разработало план совместного с горцами наступления, согласно которому Сурхай-хан, Ших-Али-хан, владельцы Шекинский и Шемахинский, а также примкнувшие к ним другие феодалы должны были открыть военные действия против российских войск.

План совместных действий части дагестанских феодалов и иранских войск создавал серьезную угрозу российской армии в Закавказье и в целом российским позициям на Кавказе. От кавказского командования требовались срочные меры, чтобы сорвать иранский план. Царские власти знали о попытках Ирана поднять в Дагестане антироссийское восстание, осознавали и возможные пагубные последствия в случае их успеха. Тем не менее, царизм не планировал введение войск в Дагестан, исходя из нескольких соображений: он опасался, что это может вызвать сопротивление у дагестанского населения; не было гарантий, что большинство дагестанских владельцев сохранит свою лояльность при вступлении российской армии в их владения. В этих условиях Россия пыталась начать мирные переговоры с

Персией и прекратить с ней войну ввиду осложнения российско-турецких отношений.

Командующий войсками на Кавказской линии генерал-майор Глазенап, узнав об активизации антироссийских сил в Дагестане, решил предпринять срочные меры, не ожидая указаний из Петербурга. В рапортах от 24 апреля и 20 мая 1806 г. генерал излагает цели похода и свое видение путей усмирения горцев Дагестана. Целью своего похода Глазенап называет наказание Сурхай-хана Казикумухского. В рапорте от 20 мая генерал пишет, что предпринятый им поход в Дагестан – это лишь демонстрация силы, чтобы удержать дагестанских владельцев от антироссийских выступлений. Большинство дагестанских владельцев сохранило верность России в период русско-иранской войны 1804-1813 гг. Уже в апреле, в самом начале похода, Глазенап сообщает в Петербург, что шамхал Тарковский, «истинно приверженный и верный подданный Е. И. В., во всех случаях оказывает свою помощь и усердие». Позже войско шамхала присоединилось к российской армии. 2 июня 1806 г. Глазенап доносит А. Чарторыйскому: «... По прибытии моем в Кизляр удостоверился я, что дагестанские владельцы вообще повергают себя к покровительству всемилостивейшего нашего государя за исключением Дербентского хана...». Уцмий Каракайтагский и Табасаранские владельцы также предложили Глазенапу свою военную помощь. Всячески помогали русским войскам и жители Приморского Дагестана: строили и чинили мосты, дороги, изъявляли желание вступить в российскую армию и участвовать в войне с Ираном и поддерживающими его феодалами.

Глазенап получил приказ захватить Дербент, занимавший важное стратегическое место на берегу Каспийского моря как промежуточное звено между Россией и Закавказьем. В июне Глазенап двинулся к Дербенту. Правитель Дербента Ших-Али-хан решил вместе с наемным лезгинским

войском оказать сопротивление российской армии. Однако население Дербента не хотело войны и выступило за мирную сдачу города. Ших-Али-хан не пользовался ни поддержкой, ни уважением у подвластного ему населения. Дербентское население ожидало российские войска как своих освободителей, и, когда Ших-Али-хан не согласился с его требованием сдать город без боя, против него было поднято восстание. Ших-Али-хан бежал в горы к Сурхай-хану. 22 июня русские войска без боя вошли в Дербент, правителем которого был назначен один из преданных России азербайджанских ханов – Албена-бек Ахматов. Учитывая важное стратегическое положение Дербента, в нем было установлено прямое российское управление. Ханство же Дербентское было передано шамхалу Тарковскому за его «верную службу» России. Титул Дербентского хана был закреплен за шамхалом наследственно.

Из Дербента российские войска направились к Баку, который был взят без боя. Затем Булгаков вторгся в Кубинское ханство и отстранил Ших-Али-хана от управления ханством.

Ситуация на самой кавказской линии становилась весьма напряженной. Кроме того, на зиму был запланирован поход в Чечню. Тем не менее Булгаков решил перед уходом из Дагестана или разгромить, или привести к присяге последнего непокорного дагестанского хана – Сурхай-хана. В начале декабря 1806 г. российские войска вышли к аулу Цахур, находившемуся почти в центре Казикумухского ханства и предъявили Сурхай-хану ультиматум: подписать трактат о подданстве России или его владение будет занято. Переговоры затянулись и «позднее время года и опасение быть застигнутым зимою в горах заставили Булгакова удовольствоваться одною присягою хана Казикумухского» [5. С. 84].

В 1806 г. практически все дагестанские владельцы и часть «вольных обществ» приняли или вновь подтвердили свое подданство России [3. С. 189]. Документ свидетельствует:

«Владельцы дагестанские бывали всегда независимы от Персии и независимо каждый управлял своим владением, состоя с давних времен под покровительством и подданством России. Дербент, Тарку, владельцы каракайтагские, табасаранские, аварские и другие суть неоспоримые тому доказательству» [1. С. 382]. Наместник Кавказа А. П. Тормасов 3 июля 1810 г. писал министру иностранных дел Н. П. Румянцеву, что все дагестанские владения, кроме ханства Казикумухского, «находятся в прямом подданстве Его Императорского Величества», «приобретенные оружием или трактатами сведенные в непосредственное подданство России».

Таким образом, можно говорить о том, что в 1806 г. де-факто состоялось присоединение Дагестана к России. По мнению известного востоковеда XIX в. М. Казем-Бека, «окончательное покорение Дагестана русскими» произошло в 1806 г. [6. С. 36]. В пользу этого утверждения свидетельствует и то, что именно с 1806 г. царские власти начинают устанавливать прямое российское управление в Дербенте, Кубе, отстраняют одних дагестанских ханов от власти (Ших-Али-хана в 1806 г., Сурхай-хана в 1812 г.) и передают их владения (или часть их) другим феодалам (шамхалу, Аслан-беку и др.). Кроме того, начинают устанавливать в некоторых дагестанских владениях налоги – дань в российскую казну «как явный знак покорности». Как считает Ш. А. Гапуров, с 1806 г. Россия действует в Дагестане, как на собственной территории [4. С. 326].

Поход 1806 г. в Дагестан принес России огромный военно-политический успех. В Дагестане царское правительство резко активизирует свою деятельность по установлению здесь своего господства. Российские власти начали устанавливать в Дагестане налоги. Взимание налогов с местного населения и прямое управление метрополии – это первые и наиболее серьезные признаки установления колониального режима в

присоединенных районах [4. С. 328].

Власти и в Дагестане не учли того важнейшего обстоятельства, что владельцы и сельские общества присягали на подданство России, стремясь к установлению военно-политического союза с Россией, к развитию с ним торгово-экономических отношений на взаимовыгодных условиях, но вовсе не были готовы поступаться своей политической и экономической самостоятельностью. До 1806 г. дагестанские феодалы не несли никаких повинностей и податей. После присоединения же Дагестана к России в начале XIX в. феодальные владения и «вольные общества» уже должны были нести определенные повинности. Царизм смещал непокорных и назначал лояльных ему правителей, которые находились под контролем командиров воинских частей, введенных в Дагестан в 1806 г. [14. С. 56].

С 1806 г. российские власти рассматривали Дагестан уже как неотъемлемую часть империи. Важнейшим условием и признаком принятия российского подданства, как отмечено, становилась выплата податей горцами. С населения брали все, что было необходимо для войск: скот, хлеб, масло, сено и др. Крестьяне обязаны были чинить дороги, расчищать снег, поставлять подводы, обеспечивать войска квартирами, снабжать их топливом и т.д. Объем податей и повинностей, которые несли крестьяне до 1806 г., резко увеличился. Теперь им надо было платить и местным правителям, и царским властям.

Начало установления колониальных порядков в Дагестане тяжело ударило прежде всего по положению трудового населения. Местные правители увеличивали подати и повинности, феодалы деспотически обращались с подвластным населением. К этому следует добавить полнейший произвол, творимый над трудовым населением Дагестана со стороны царских чиновников и военачальников. С 1806 г. царские власти начинают устанавливать в Дагестане свое прямое управление.

Отстранив Ших-Али-хана от правления в Дербентском и Кубинском ханствах, Россия устанавливает здесь свою власть. Таким образом, уже с 1806 г. Россия в Дагестане де-факто начала устанавливать колониальные порядки. В то же время следует отметить, что в начале XIX в. они распространялись только на часть Дагестана и большинство его населения еще не успело почувствовать всю их тяжесть.

Политика царских властей, а также поддерживаемых ими местных правителей по отношению к трудовому населению приводила к новым антироссийским выступлениям. Ших-Али-хан быстро изменил присягу на верность России и в 1807-1809 гг. продолжал свою проиранскую деятельность.

В 1809 г., после заключения англо-иранского и англо-турецкого договоров резко увеличилась финансовая и военная помощь Англии новым союзникам на Среднем Востоке. Одним из условий этой помощи была активизация военных действий Ирана и Турции против России, особенно на Кавказе. Перемирие на русско-иранском и русско-турецком фронтах было прервано, и военные действия возобновились. Одновременно ирано-турецкая агентура стала снова призывать горцев Восточного Кавказа к антироссийским выступлениям. Эти призывы подкреплялись щедрыми денежными подарками. Деньги и фирманы шаха и султана с призывами подняться на «священную войну» против России получили почти все дагестанские владельцы. На эти призывы прежде всего откликнулись Ших-Али-хан, Сурхай-хан и Али-Султан Дженгутайский. Стали проявлять колебания и даже участвовать в некоторых нападениях на российские посты Ахмед-хан Аварский и уцмий Каракайтгагский Адиль-хан.

Из всех антироссийских выступлений дагестанских феодалов в период русско-иранской войны 1804 – 1813 гг. наиболее серьезным было восстание в Кубинской провинции в 1810 г., в котором активное участие принял Ших-Али-хан. С 1806 г.

Кубинская провинция фактически находилась под российским управлением.

Ших-Али-хан в союзе с Сурхай-ханом Казикумухским и при активном подстрекательстве и помощи Ирана и Турции решил использовать ситуацию для восстановления своей власти в Кубинской провинции. В июне 1810 г. с трехтысячным отрядом он вторгся в Кубинскую провинцию и осадил город Кубу, где находился российский гарнизон из двух батальонов севастопольского полка. В условиях активных военных действий в Закавказье против турок и персов главнокомандующий на Кавказе А. П. Тормасов не хотел снимать с фронта воинские подразделения и политическими маневрами надеялся расколоть союз Ших-Али-хана и Сурхай-хана, чтобы затем малыми силами справиться с ними поодиночке. Более того, Тормасов решил дипломатическим путем договориться с Сурхай-ханом. Переговоры с последним по поручению наместника вел генерал-лейтенант российской службы Джафар-Кули-хан Шекинский. В конечном итоге Казикумухский хан согласился на очередное принятие российского подданства.

В октябре 1810 г. российские войска нанесли поражение Ших-Али-хану, а 25 октября у табасаранской деревни Эрсон он был окончательно разбит. Лисаневич «с огнем и мечом» прошелся по селениям Кубинской провинции. В январе 1811 г. генерал А. П. Тормасов обратился с прокламацией к дагестанским народам, призывая их не поддаваться на подстрекательства антироссийски настроенных правителей и ирано-турецких эмиссаров.

Тормасов заявляет, что в этом случае дагестанцам будет запрещена торговля в российских пределах, выпас скота на равнине и, в конечном итоге, применена сила оружия. Трудно судить, насколько действительно большая часть дагестанского населения осталась верна России. Как сообщал в июле 1811 г. дербентский комендант, «начиная от

Тарков до Койсу и до Кизляра, никто не согласен принять сторону Ших-Али-хана...» [1. С. 673].

Однако небольшая часть дагестанских феодалов, обманутая временным поражением российских войск в Закавказье и подкупленная шахским и султанским золотом, решила весной 1811 г. выступить против России. Ших-Али-хану удалось склонить на свою сторону Сурхай-хана, часть акушинцев, Хасан-хана Дженгутайского и даже Султан-Ахмед-хана Аварского [1. С. 672]. Эти феодалы, используя вновь присланные из Тегерана огромные денежные средства, развернули летом-осенью 1811 г. деятельность по всему Дагестану, собирая наемные отряды. В марте 1811 г. к дагестанским народам обратился шах с призывом подняться на борьбу за «освобождение от русских» Дагестана и Ширвана. Антирусскую пропаганду вела и Турция. Большинство дагестанских феодалов и на этот раз не поддались на ирано-турецкие провокации.

В октябре 1811 г. Ших-Али-хан с почти восьмидесятысячным «войском» двинулся на Кубу. На помощь Гурьеву из Ширвана был направлен российский отряд под командованием генерала Хатунцева. 21 ноября того же года российские войска разбили Ших-Али-хана.

Кавказское командование сочло момент наиболее подходящим для покорения Казикумухского ханства. Хатунцеву было приказано двинуть войска в Южный Дагестан и заставить Сурхай-хана подписать договор о подданстве России и выдать Ших-Али-хана. В декабре 1811 г. Хатунцев вступил во владения Сурхай-хана и начал с ним переговоры. Хан отказался выполнить условия российского командования, и Хатунцев двинулся в глубь владений Сурхая. 14 декабря российские войска после ожесточенного штурма взяли крепость Кюри, центр Кюринской провинции, принадлежащий Сурхай-хану.

Кавказское командование лишило его этой провинции. В январе 1812 г. было

объявлено о создании отдельного Кюринского ханства, правителем которого был назначен преданный России племянник Сурхай-хана Асланбек, возведенный в ханское достоинство. После занятия российскими войсками Кюринской провинции к Хатунцеву явились «со всех деревень Кюринского владения старшины и духовные чиновники с двумя старейшинами от каждой деревни», просившие принять их в российское подданство. С подобным же ходатайством к Хатунцеву обратились представители Ахтыпаринского, Мискинджинского, Ахтынского, Докузпаринского и других вольных обществ Южного Дагестана. 9 февраля 1812 г. Паулуччи доносил Александру I, что «вольные общества лезгинцев также стали изъявлять покорность» [4. С. 345].

Аслан-хан был назначен правителем Кюринского ханства на особых условиях, которые были оговорены в документе, подписанном им и генералом Хатунцевым 4 января 1812 г. Аслан-хан был ставленником российских властей, полностью от них зависимым, и потому на него (точнее, на жителей его ханства) были наложены довольно тяжелые повинности по сравнению с другими дагестанскими владетелями. Он обязывался снабжать российские войска [7. С. 19]. Как только российские войска ушли из Южного Дагестана, Сурхай-хан возобновил свои враждебные действия против России. Он получил от шаха фирман на владение Кюринским ханством и крупную сумму денег и стал совершать нападения на Аслан-хана, пытаясь вернуть себе Кюринское ханство. Однако, в отличие от прежних времен, Сурхай-хан был не в состоянии набрать крупное ополчение, так как акушинцы, аварцы, цудахарцы и другие дагестанские общества стали отказывать ему в поддержке. Лишившись ее и поняв безысходность своего положения, Сурхай-хан решил присягнуть на верность России. Однако он вновь лично не прибыл к Хатунцеву на подписание присяги, а «прислал... с любимым своим сыном Муртуз-Али предложенную ему присягу, утвержденную им по обычаю

на святом Коране подписью и печатью, извиняясь, что сам он по причине старости и слабости здоровья своего» явиться к Хатунцеву не может [12. С. 519]. Тогда же к Хатунцеву прибыли «акушинского и всего даргинского народа кадии и почетные старшины», которые также присягнули на подданство России [12. С. 519]. В. Г. Гаджиев считает, что с принятием в российское подданство Казикумухского ханства и Акуша-Дарго «завершился длившийся многие годы процесс присоединения Дагестана в русское подданство» [3. С. 203].

Изучив источники, свидетельствующие о русско-дагестанских отношениях к 1812 г., Р. М. Магомедов пишет: «Таким образом, кумыки, лезгины, табасараны, цахуры, авары – все эти народности сами обращались к России с просьбой о принятии в подданство и были присоединены к России добровольно. Не признавали еще власти России Сурхай-хан Казикумухский, Шейх-Али-хан Дербентский и ряд мелких племен центрального Дагестана. Так что утверждения о завоевании Дагестана правильны в отношении отдельных его территорий, а не всего Дагестана и не всех его народностей» [10. С. 148-149]. Говоря о последствиях присоединения Дагестана к России, следует иметь в виду не только то, что самодержавие притесняло местные народы, которые подвергались жестокой эксплуатации, но и то, что наиболее передовая часть русского общества начинала борьбу против царской власти.

В период наместничества Ртищева на Кавказе (1812-1816) в Дагестане, Чечне, Осетии и Кабарде началось установление здесь колониальных порядков. Причиной антироссийских выступлений в Дагестане в 1804–1813 гг., безусловно, было вмешательство в дагестанские дела восточных держав – Ирана и Турции, то есть они были вызваны прежде всего не внутренними, а внешними обстоятельствами. Исследователи считают, что для России с 1806 г. дагестанские дела были уже ее

внутренней проблемой [4. С. 349]. С окончанием русско-турецкой и русско-иранской войн начала XIX в. деятельность иностранной агентуры на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, временно ослабла. Спала и активность антироссийских сил в Дагестане. Один Сурхай-хан Казикумухский, в очередной раз нарушив данную им присягу на верность России, стал предпринимать шаги для возвращения себе Кюринского ханства.

Выход из войны Турции, разгром в России армии Наполеона, а главное, серьезное поражение иранских войск на Закавказском фронте летом 1813 г. вынудили шаха пойти также на заключение мирного договора с Россией. По Гюлистанскому договору 1813 г. «Иран признавал за Россией ханства Карабахское, Гянджинское, Шекинское, Кубинское, Бакинское, Ширванское, Дербентское и Тальшское с теми землями сего ханства, кои ныне состоят во власти Российской Империи, притом весь Дагестан, Грузию с Шурагельскою провинцией, Имеретию, Гурию, Мингрелию и Абхазию, равным образом все владения и земли, находящиеся между поставленною ныне границею и Кавказскою линиею с прикосновенными к сей последней и к Каспийскому морю землями и народами» [13. С. 306-309]. «К договору был приложен «Сепаратный акт», согласно которому «посланник, имеющий право отправиться от Персидского двора с поздравлением к Российскому двору, повеленные ему от своего шаха просьбы предоставит на волю Великого императора. Главнокомандующий же Российский обещает по возможности употребить старание о просьбах Персии» [15. Д. 429. Л. 1]. Таким образом, «Сепаратный акт» оставил возможность иранскому правительству вернуться в удобный ему момент к пересмотру условий мирного договора 1813 г. Иранская делегация еще в Гюлистане заявила, что будет добиваться пересмотра договора. И, наконец, договор не закрепил точных границ между Ираном и Россией. Об условиях и последствиях Гюлистанского договора Г.-Э. Алкадари

писал: «По этому договору Грузия, Тальш, Карабах, Гянджа, Нуха, Ширван, Баку, Куба и все дагестанские владения переданы во владение Русской державы, причем условия этого мирного договора осуществляются и до нашей эпохи» [2. С. 125].

Процесс присоединения Дагестана к России был сложным, длительным. Многие зависело от внутреннего положения Дагестана и международной обстановки на Кавказе. Дагестан оказался в составе России по итогам русско-иранской войны. При

заключении Гюлистанского договора между Россией и Ираном дагестанские владетели не были представлены. Присоединением Дагестана к России в 1813 г., по существу, закончился первый этап русско-дагестанских взаимоотношений. После заключения Гюлистанского договора происходит активизация деятельности кавказской администрации по укреплению российских позиций в Дагестане, что закономерно вызвало недовольство у населения, в конечном итоге приведшее здесь к новым военным столкновениям.

Примечания

1. АКАК. Т.З. Тифлис, 1869. С. 382.
2. Алкадари Г.-Э. Асари – Дагестан. Махачкала, 1994. С. 125.
3. Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. Махачкала, 1965. С. 189.
4. Гапуров Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века (1801-1815 годы). Нальчик, 2003. С. 326.
5. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1887. Т.5. С. 84.
6. Казем-Бек М. Избранные произведения. Баку. 1985. С. 36.
7. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II. М., 1992 (Тифлис 1869). С. 19.
8. Крикунов В.П. Историк должны быть выше национальных обид // Вопросы истории. 1989. №5. С. 41-42.
9. Основные выводы и рекомендации «Всероссийской научной конференции «Чеченская Республика и чеченцы: история и современность». Грозный, 2005. С. 9.
10. Очерки истории Дагестана. Вып. I. Махачкала, 1950. С. 148-149.
11. Поломошнов А.Ф. Мировая империя как политическая болезнь // Голос разума. Махачкала, 2004. №2. С. 33.
12. РГВИА. ВУА. Д.6164. Ч.64. Л.519.
13. Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX вв. С. 306-309.
14. Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана. М., 1961. С. 56.
15. ЦГИА РГ. Ф.1987. Оп.1. Д.429. Л.1.

Статья поступила в редакцию 28.12.2008 г.